

— Игнат, ешь медленно! Жуй, Игнат! У тебя тридцать два зуба для этого!

— Двадцать восемь, — говорю я. Правда двадцать восемь, я считал.

Я и сам себе говорю: ешь медленнее! Потому что съел и сидишь, а остальные ещё жуют.

Если один дома, то нормально — поел и пошёл. А если люди? Сидишь, а они едят, едят... Тогда достаёшь телефон, потому что скучно же смотреть, как другие едят! Папа меня страшно ругает за телефон этот. Но он редко дома бывает.

А в школе я стараюсь есть один.

Но тут у маминой подруги Жени был день рождения, и она нас с Лёвкой тоже взяла. И вот тут я говорил себе: ешь медленнее! Но не получалось медленно — вкусно ведь! А Женя эта мамина всё говорила: а-а, ты уже всё съел! Растущий организм! Я тебе ещё положу! Я отбрыкивался, а она всё равно.

А потом ещё торт!

В общем, я объелся, как никогда в жизни. Там один дядька за столом смешное рассказывал, а я даже смеяться не мог! Никогда в жизни не буду столько есть. Люди в некоторых странах, вон, голодают, а я продукты перевозжу...

* * *

Левой, правой. Самое лучшее на свете — ролики эти. На них у меня голова проветривается. Лечу, рассекаю... Воздух свистит, я чувствую его — воздух. Только не наушники, это не люблю: тогда я теряю окружающий мир и страшно. И потом, отвлекает.

Наушники я люблю дома. Будто отгородился ото всех и сидишь один со своей музыкой.

А на улице не люблю уши затыкать. Я люблю город слышать. Я его люблю, город свой. На роликах очень круто по нему: левой, правой!

Если бы только машин поменьше. Я читал, в Стокгольме так: машин мало, и все на велосипедах. Но велосипед у нас негде хранить. И поднимать неудобно на девятый этаж. А самокат или ролики — пожалуйста.

Я решаю обычно так: если мне потом в метро, то лучше самокат. Если же можно без метро, то ролики проще. Быстрее. Но это если лестниц нет на пути. Вообще можно будет исследовать, что лучше. Самокат vs ролики. Ко-

гда-нибудь займусь. В школе можно, там часто времени полно. Если не забуду.

* * *

— К доске пойдёт Зайцев.

Все вокруг тихонько хихикают. Ну и что, и что? Сколько уже можно, надоело.

Иду к доске, решаю задачу эту. Простая.

— Игнат, куда ты торопишься? На поезд опаздываешь?

— Я не тороплюсь, — пожимаю я плечом, — я как всегда...

В общем, пропустил я действие. Ну и что; ответ-то правильный. Я в голове уже потому что сосчитал и забыл записать. Руки у меня не успевают за головой.

— Ладно, — говорит она, — пять с минусом. Хотя вообще это ошибка.

— Ответ же правильный, — говорю.

— Решение тоже имеет значение. Мне нужно видеть, как ты мыслишь.

Ещё чего. Чтобы кто-то видел... Мои мысли — моё личное дело, нечего...

— Ой, Игнат, а почему тебя в журнале нет?

— Потому что я не Зайцев, а Волков, — говорю в сотый-сячный раз. Никогда не запомнят, я уже не поправляю.

Иду на своё место и задеваю ведро; оттуда вываливается швабра и лупит меня по голове.

Опять.

Это мои грабли, швабра эта.

— Зайцев! Тебе самому не надоело в классе клоуном быть?!

— Я Волков, — говорю я.

Вот скажите, это такие похожие фамилии, да? Заяц и волк — это совсем-совсем одинаковые звери. Да? Или мне не подходит фамилия Волков?!

* * *

Может, если бы я был брюнетом, меня не звали бы Зайцевым. А так — волосы жёлтые.

Дурацкий цвет, как у Иванушки-дурачка. Жёлтые и торчат. Первый день голову помоешь — нормально; а на второй — уже будто сто лет не мыл. Я пробовал стричься коротко, вышел ужас. Будто один нос на лице торчит, причём на чужом каком-то лице. Лучше уж так, как есть: отросли — и нормально вроде, лицо не очень видно.

Но зайцы же белые! Или серые, русаки, там. Разве бывают такие жёлтые?

Или у меня лицо травоядное, не хищное? Лицо как лицо. Ну, не хищное. Но при чём тут зайцы?!

Обидно, в конце концов. Никакой я им не Зайцев.

И ещё имя: Игнат. Нормальные люди вообще мои родители, нет?.. Ну, это папа назвал. В честь друга, который погиб. Папа, наверное, хотел, чтобы я был на того Игната похож. А я не похож. И что мне теперь?.. Виноват я, да?

Знаете, как меня бабушка зовёт? Ну, как думаете?..
Натик. Ы-ы-ы.

Хотя, с другой стороны — хорошо, что папиного друга звали не Сигизмунд, например. И очень плохо, что он погиб. Он, конечно, был очень хороший. И его имя осталось бы при нём, а мне бы досталось Лёвкино.

А вот Лёва. Я же им говорил, что так нельзя: Лев Волков. Зоопарк какой-то! Но они разве послушают... Мама всю жизнь, оказывается, хотела, чтобы сын — Лёвка, Лёвушка. И не виновата она, что папа Волков оказался.

— Есть же Лев Лосев, — сказал тогда папа. — И Волков — это не Зайцев. Если бы Зайцев, тогда глупо: заяц и лев. А волк что? Вполне самостоятельный зверь.

И он туда же. Его-то, кстати, никогда в жизни Зайцевым не называли, никто.

* * *

Хочу обогнать и не могу. Время останавливается. Я еду на этом эскалаторе сто лет. За это время у меня выросла борода. Я прямо чувствую, как она лезет. Потом седеет...

Уф, спрыгиваю с эскалатора. Обгоняю эту, с телефоном. Тычет туда ногтями своими раскрашенными, фу... И встанет же слева, не обгонишь; кому талдычат каждый день: стойте справа, проходите слева!

...Ставлю самокат — и вижу: переднее колесо всё ещё крутится.

Вечный двигатель.

Оно крутится сто лет, с того момента, как я вскочил на эскалатор.

Я всё-таки успел, чудом. Сменку не переодел, проскочил так, куртку бросил на решётку в гардеробе — так можно, когда опаздываешь. Ф-фу! Успел.

Влетел секунду до звонка; то есть за секунду, ух, пропуская предлоги, ещё будто бегу. А разогнался — не могу остановиться. Прямо чувствую, как у меня там всё внутри: сердце колотится, кровь к ушам почему-то, зачем она сейчас ушам?!. Горят, как фонари.

— Седьмой кла-асс, достаём уче-ебники, — бесконечно тянет Марго. Надо же так медленно говорить! И всё стало так медленно... Я бы уже всё сделал давно! А так... Бесконечные сорок пять минут.

Время застывает, как асфальт. Вообще не двигается. И я начинаю дёргаться. И сам понимаю, что дёргаюсь, как дурак, как псих. Сорок пять минут неподвижного сидения для меня — невыносимо.

— Не вертись! — говорят мне.

Да я и не верчусь вроде. Ноги затекли только.

Ручка падает. Почему ни у кого не падает, а у меня — всегда? Катится, катится, катит-ся, щёлкая рёбрами по парте, докатывается до края — ап! Я ловлю. Медленно падает потому что.

Рёбра у ручки. И у меня рёбра. Об них сердце колотится: тук, тук. Двигаются рёбра, когда дышу. Там лёгкие

внутри мягкие, рёбра их берегут, но и не дают вдохнуть глубже, мне бы глубже ещё... Наполнить лёгкие, расправить, как дирижабль... Я бы тогда полетел под потолок. Смешно. Рёбра жёсткости. Рёбра, бра, бр-р-р. Слово само такое — как ручка стучит.

— Откры-ыли два-адцать шесту-ую страни-ицу!

Открываю. Смотрю. И никак не могу понять, какое отношение имеют эти графики функций... А, чёрт, литература же! Другой учебник!

* * *

На обложке написано: «Литература». Я давно уже прочитал его, этот учебник, в первую неделю сентября. Всегда говорю себе: не читай! Что потом делать будешь?.. Но всё равно прочитываю. Они чего-то говорят на уроке, обсуждают... Нет, я слушаю. Когда, например, Тонька говорит, всегда интересно послушать. Правда, она давно уже не говорит, это я отключился. Литература. Хорошее слово, длинное.

Литр.

Трата. Утрата.

Талер.

Алеут!

Отличное какое это «алеут», прямо горжусь.

Трёхбуквенные слова я не пишу. Это слишком легко. Потом, когда у меня наступит ступор, я могу их сразу

все написать, есть алгоритм. А сейчас... Шесть букв — это удача. Пока только одна «утрата» получилась.

О! *Раритет.*

Проверил — точно, подходит! Йес!

— Волков, ты о чём сейчас таком думаешь, а?

Вот же, это я вслух заорал «йес», что ли?!

— О литературе, Маргарита Павловна, — совершенно честно отвечаю я.

Потом ко мне Яценко подошёл, просил показать, во что я играю.

— Как ты без телефона играешь? У тебя гарнитура, что ли, какая стоит?

Неумный человек, не понимает, как без телефона можно играть!

* * *

Друзей у меня нет. Ну, можно сказать, я со всеми дружу; врагов у меня нет тоже. Но так, чтобы прямо друг — нет. Они все какие-то слишком медленные, не догоняют меня. Рассказывают там чего-то... Я уже давно понял! А они объясняют, объясняют... так медленно! Они думают, что я тупой?!. Или вот в столовую мы идём. Если идти с кем-то, обязательно притащишься к середине перемены, и там будет очередь на километр. А если никого не ждать, то они приходят, а я уже всё купил! И даже почти всё съел. Ненавижу тратить время на еду. Ведь можно ещё кучу всего успеть!

Ай! У-у-у, почему у меня всё падает!!! Хорошо, стакан поймал, подхватить успел. А чай... его не подхватишь, такой вот закон природы.

Правда, я редко пешком хожу. Пока асфальтовый сезон, стараюсь на колёсах. Самокат, ролики, там. Доску осваиваю, такой маленький скейт, но пока не очень научился. Лучше всего на роликах: надел — и привет! И никого не ждать.

* * *

Толчковая — правая. А еду левой. Это главное. Главная нога — не та, которой толкаешься, а которой на самокате стоишь. Конечно, можно и поменять ноги. Вроде бы всё то же самое делаешь. Но снижается и скорость, и маневренность. Устаёт не та, что толкается, а та, что везёт. И толкаться надо грамотно, ногу ставить на препятствия. На трещины, там. Ну, и плитки жёлтые контактные: ногу ставишь на них, чуть приподнимаешь самокат и толкаешься. Хотя вообще, конечно, я падал не раз на плитках этих. Надо бы, в идеале, место оставлять, чистый асфальт, чтобы можно было объехать.

А если лететь под гору, то я стою двумя ногами, правую ставлю крепче, переносу на неё вес тела. Чтобы разгрузить левую, рабочую.

Ещё вот что важно: конфета от горла, леденец. Почти всегда в кармане. От скорости у меня перехватывает

в горле, от холодного воздуха; и почти всегда на выходе — кашель и насморк. И леденец очень помогает. Если сразу за щёку его. Всякие, там, с эвкалиптом или просто мятные.

На самом деле я часто забываю это — про леденец. И потом горло болит. Но если бы я писал самоучитель езды на самокате, я бы не забыл. У нас холодная страна. Без леденца за щекой никак.

А в метро на самокат можно повесить сумку. Главное, чтобы он не укатился и не хлопнулся на пол. Я так однажды сметану не довёз — обычную, в пластиковой таре. Она в пакете была, и я этот пакет на руль повесил, а самокат грохнулся. Треснула эта ваша тара, всё вылилось, весь пакет потом в сметане этой...

Самое странное, что в том же пакете были яйца. И ни одно не разбилось. Это странно, но факт.

Почему я на метро ехал с продуктами? Я же всегда возле дома покупаю. Не помню...

* * *

Рядом в метро стоит девушка в синем пальто, читает книжку. Заглядываю — стихи. Вот странно. Я не могу читать, всё-таки неловко, но вижу — стихи.

Не люблю стихов, я их не понимаю. Может, от того, что это медленное чтение. Я пробовал читать, но от меня всегда мысль уходит, о чём это. Ну, читаешь. И понима-

ешь: тут определённый ритм есть, тарарарам, парам-парам. А глаза этого ритма не выдерживают, дёргаются вперёд, вниз скользят, ищут — про что? Что было, чем кончилось?.. Потом назад... Так и бегают по странице, и никак не улавливается смысл. А если улавливается — всё оказывается просто: смерть, там, или любовь, или дерево растёт. Ну, я упрощаю, конечно. Но всё равно непонятно, чего было огород городить.

Я вообще быстро читаю, пропускаю иногда слова или целые предложения, если понятно, о чём речь. Если мне книга нравится, то я себе говорю: читай медленно! Давай-давай, каждое слово! И так внимательно, медленно читаю пять строчек... И оказывается, что это было такое напряжение для меня! И я ничего не помню. И тут же срываюсь опять.

Вот говорят: не глотай! Мама говорит, папа, да и Марго тоже: не глотайте книги! Читайте медленно, вдумчиво, там... А я не могу. Если я иду медленно, у меня мышцы начинают болеть, я устаю, как чёрт! И то же самое с книжками. Не могу я медленно!

Или ещё вот я себе говорю: не смотри в конец. Не подглядывай! И потом выходит, что я, пока читаю, только и думаю, что там, в конце. И всё пропускаю. Я какой-то неправильный читатель, наверное.

Лёвка

Я забираю Лёвку из садика. Это моё частое дело; иногда оно случается довольно некстати, но в целом я это люблю. Мне нравится, как Лёвка мне радуется.

— Иг! На-а-ат! — кричит он. Слышит мой самокат, когда я ещё только подъезжаю к их площадке.

И воспитательница меня любит. Одна. Вторая — нет, она противная, и её не любит ни Лёва, ни я. Полная взаимность. И она мне всегда на Лёвку жалуется. А та, которая любит, — никогда. Хотя обе одинаково пихают мне в руки Лёвкины мокрые носки и грязные майки — он всегда обливается, каждый день почти. И у него там есть запас чистого, каждый день ему приносим это чистое, а забираем вот что. Я бы на него злился, если бы сам не был таким безруким. Но у меня уже лучше, не каждый день проливаю. Лёвка тоже вырастет и научится. К пакету с грязными вещами я привык.

Мы вешаем его на самокат. Потом Лёвка встаёт ближе к рулю, ставит ноги в какую-то там балетную позицию, чтобы мои ноги тоже поместились. И мы мчимся вместе. Мчим!

Очень неудобно, конечно, вдвоём, потому что Лёвка иногда тоже пытается рулить. И если вверх, и если бордюры — ужас как неудобно, я весь взмокший привожу его домой.

Зато вниз!

Это называется даунхилл. Когда вниз, под гору, и можно не толкаться, просто летим! Наша общая масса увеличивает скорость.

У-у-у-ух!

Ч-чёрт, навстречу выскочил парень на роликах. Вот же псих, я еле успел затормозить! Куда смотрит, не видит, что я с ребёнком?!

Ну да. Он не виноват. Он просто ехал так быстро и не предполагал, что кто-то тоже может гнать в таком темпе.

Ладно, без травм, и хорошо.

— Совсем уже! — кричит ему в спину Лёвка.

— Не надо, Лёвка. Не ругайся. Мы тоже, знаешь... Превышаем.

* * *

Такое удовольствие — лететь по пустому переходу. Потому что никогда асфальт не бывает таким гладким, как плитки в переходе. Тем более я только что из метро — ноги задеревенели столько стоять. И если никто из прохожих не мешает, то — ух!

Боковым зрением замечаю человека, который стоит, просто стоит. Или продаёт что-то, или денег просит... А, ну да. Костыли.

Вот же, а. Я будто сразу виноват, что могу вот так наворачивать на самокате своём, а он — нет.

Проезжаю мимо, потому что уже разогнался. И ещё по-

тому, что... Ну, у меня есть деньги. Но они не мои как бы. «Будешь сам зарабатывать — можешь раздавать направо и налево», — сказал мне как-то папа. Это я тогда Яценко денег дал в долг, он просил очень. До сих пор, кстати, не отдал. Забыл, наверное. А напомнить неловко.

Буду сам зарабатывать — тогда да. А так неловко мне. Не знаю, как правильно в этой ситуации; и уехал уже давно оттуда, не думать бы. Но думается само.

* * *

Когда торопишься, главное — не забывать дышать. Пока не увидишь на часах 8:30, ты ещё не опоздал, даже если ты за сто километров. Я передвигаюсь в пространстве быстро, заоблачно быстро. Прибавляю скорость, и время пути стремится к нулю. Стремительно стремится. Время — стремя. Надо будет использовать когда-нибудь. Что общего у слов «стремительный» и «стремя»... Так, о чём я... А, стремится к нулю. Мне кажется, если я поднапрягусь, то время станет отрицательной величиной. И я окажусь в точке В раньше, чем вылетел из А.

* * *

А, вот. Ещё. Давно было, Лёвка совсем маленький был. Я домой пришёл и вдруг слышу его голос:

— Гад! Гад!

Что это ещё такое?! В садик он ещё не ходил, откуда нахватался таких слов?!

— Гад! — радостно кричит он, выскакивает из комнаты и обхватывает мою ногу. Так это он меня ругает, что ли?!.

— Да, — кивает радостная мама, — это Игнат пришёл, Игнат!

...И тут до меня доходит. Это моё имя! Никакой не «гад», а «Игнат», он так выговаривает!

— У-у-у, ты что, не слышишь?!.

Мама радуется новому Лёвкиному слову и даже не замечает, что моё имя ругательно звучит!

— Ну вы меня и назвали... Ужас какой-то, — я вздыхаю, стаскиваю кеды. И думаю, как будет круто, когда Лёвка будет мне на улице кричать «Гад!» на весь двор!

...Так и вышло. Правда, этого слова «гад» никто не замечал, кроме меня. А я целую неделю дрессировал его:

— Лёва, скажи: Иг-нат! Не «гад», а «Иг-нат»!

— И-гаад! — старался Лёва.

И что вы думаете? Уже через неделю он научился! Чисто-чисто! Правда, до сих пор в его исполнении моё имя звучит раздельно: Иг Нат. Будто двойное, как в книжке какой-нибудь фантастической или в кино.

* * *

Когда Лёвка был совсем младенцем, он очень орал. Ну, постоянно просто. Переставал только, если взять

его столбиком, чтобы голова из-за моего плеча назад смотрела, и так с ним надо было ходить; и желательно стихи какие-нибудь читать заунывным голосом. Тогда он такой становился тихий, как зайчик. Я для него даже Пушкина выучил, о царе Салтане: легко учиться, только не забыть, когда что повторять. И к «белка там живёт ручная» я обычно думал, что Лёвка уже уснул. Подойду спиной к зеркалу, а сам через другое плечо смотрю: спит? Нет, хлоп-хлоп глазищами.

Мы тогда все по очереди с ним ходили, мама, папа, а потом я — когда они уже не могли больше, а Лёвка всё равно орал.

И я как-то маму спрашиваю:

— Мам, а у него тоже сдвиг?

— Какой сдвиг? — не поняла она.

— Ну, как у меня.

— Ты чего, Игнат, какой ещё сдвиг! Ничего не понимаю...

— Нет, ты не думай, я давно знаю. Ты Жене как-то своей сказала, что у меня болезнь такая, сдвиг, поэтому я не могу на месте сидеть...

— Ох, ну ты даёшь! Нет у тебя никакой болезни. На месте сидеть детям трудно почти всегда. К тому же у всех темперамент разный; вот ты такой... Как ураган. Но это не болезнь. Есть такой термин — СДВГ, синдром дефицита внимания и гиперактивности. У тебя есть... э... ну, некоторые черты. Но ты же можешь четыре часа за книжкой сидеть, не шелохнёшься! Так что не говори ерунды,

даже не думай, нет у тебя никаких болезней, кроме насморка.

— А Лёвка?

— Что Лёвка? Если хочешь знать, он по сравнению с тобой вообще тише воды ниже травы!

Ух. Похоже, я давал прикурить родителям не по-детски. Но всё же хорошо, что у меня никакой болезни нет. А то я боялся: в школу для дураков переведут ещё... Нас всё время ею пугают, этой школой. И меня больше всех, хотя я контрольные всегда хорошо пишу, в отличие от всяких там тихих-спокойных девочек.

* * *

Мой папа — полярник. То есть на самом деле нет, это мама всегда так говорит. Что она жена полярника. Я долго не знал, что это шутка, и смысла слова не понимал; думал, это настоящее название его профессии. А он на самом деле антрополог. Нормальная профессия, можно сидеть в Москве и писать себе научные труды. Но папе это неинтересно. А интересно ему тащиться на край света. И там изучать людей, которые живут совсем не так, как мы. Я бы сказал, что он путешественник. Потому что если он дома, то это... Ну, месяц он может дома. А потом начинается. Всё ему становится не так!

Мама сначала переживала. Потом привыкла.

Я купил блокнот. Совершенно неожиданно. Пошёл за ручкой — я вечно теряю, поэтому покупаю самые дешёвые, лишь бы писали. Карандаши тоже приходится покупать, хоть я и запасаюсь ими в «Икее» — там бесплатные, да ещё ловкие такие, маленькие.

В общем, я увидел блокнот. Такой, просто блокнот. И обложка просто жёлтая, безо всякого там. А я люблю жёлтый цвет. И внутри клеточки. Я люблю клетчатую бумагу почему-то гораздо больше, чем линейчатую. Даже если в ней надо просто писать, а не для математики.

Просто иногда у меня в голове появляются слова. И я решил их записывать. Они рифмуются, слова эти. Как стихи. Но это не стихи. Потому что я не люблю стихов, не понимаю. Как тогда получается, что я сам?.. В общем, я знаю, что стихи — это не просто рифма. «С Новым годом поздравляю, счастья, радости желаю!» — это не стихи. Это так. А что должно быть в стихах, чтобы они стали настоящими? Я не знаю. Так что это просто слова у меня.

Блокнот помещается в карман. Пусть там и лежит. Я еду на роликах, а в кармане у меня — новенький жёлтый блокнот. Совершенно пустой. Это примерно то же самое, что и какая-нибудь еда. Если она в кармане, так и думаешь, как бы её съесть. Так и тут: чистая бумага. Что я буду писать туда? Только и думается...

Остановился на светофоре. Двадцать одна секунда.
Как раз. Пишу.

*У человека голова,
А в ней болтаются слова.*

* * *

Я не понимаю, когда всё это разгрести. Надо доклад. Надо реферат. Надо газету на английском. Чего я, дурак, вызвался?!. Про остальные уроки уже и не говорю. Лёвку мама обещала забрать, но я должен тогда посуду помыть. И «привести комнату в человеческий вид». Зачем я согласился? Лучше десять раз за Лёвкой съездить.

Лежу на полу. И играю в шарики. Лопаю их в телефоне. Я не люблю всякие гонялки и стрелялки. А логические игрушки люблю, особенно со словами. Вообще чем проще правила, тем лучше. Я и сам пытался придумывать игры. Надо научиться программировать, вот бы тогда игрушки рисовать. Графика самая простая, художник я так себе. А вот чтобы логику включать. Чтобы такие правила — проще некуда, а игра — не оторваться, вроде шариков этих.

Реферат, реферат. Можно, конечно, просто из Интернета взять. Но глупо как-то: что я, тупой, не сделаю сам?

Сейчас, ещё вот эти синие соберу, лопну и пойду пылесосить. У меня иногда бывает столько мыслей в голове; и они все мечутся, как будто в кастрюле сидят

под крышкой, ищут выход, тычутся в стенки — бум, бум! Всё меняет направление, всё про разное, в разные стороны, броуновское движение в башке. Кажется, она лопнет, треснет! Тогда лучше всего — ролики на ноги: левой, правой, вжик, вжик — и мысли выстраиваются в длинную линию, она как-то стройнее, вытягивается... Или мысли вытягиваются просто от встречного ветра?

А если как сейчас — устал весь, совсем. Мышцы устали. А голова — нет, наоборот. Мысли носятся. Чего вот они не устанут тоже!

Тогда, чтобы не было взрыва, лучше всего — игра. Чем проще, тем лучше. И кастрюля с крышкой, башка моя, в которой мысли, превращается в чайник. С носиком. И через носик в одну сторону, как пар, выходят мысли, и там, внутри, успокаивается. И потом я могу жить и работать. Я та-ак могу работать! Вообще. Вы меня не узнаете! Только сейчас долопаю эти жёлтые шарики. И ка-ак начну!

Ключ в дверях щёлкает. Ой. Чего они так рано?

— Это вы уже пришли, что ли?..

— Игнат... Ужас. Что у тебя за завалы? Игнат, на кухню не зайти, что ты за человек!

— Да я не был на кухне ещё! Не успел. Мне знаешь, сколько задали!

— А кто тут ел тогда?

Ух... И правда, что тут на кухне... Наверное, я заходил, но не видел. Наверное, ел.

— Вкусно хоть было? — спрашивает мама.

— Ага, очень вкусно!

— ...А что хоть было вкусно, а, Игнат?.. Эх, ты...

— Дынь, дынь! — поёт Лёвка.

— Дынь, дынь! — пою я. — Сейчас я всё уберу. Сейчас, сейчас! Ты, мам, иди. Читай, там... Как будто ты ещё не пришла. А мы с Лёвкой всё сделаем, да, Лёвка?

— Нет! Нет! Карабурет! Жилет! Нет!

— Лёва голодный... Тебе хоть его жалко, нет?

— Лёвка, ты голодный? — спрашиваю его. Это военная хитрость: я знаю, что он ответит.

— Нет! Нет! Привет! Тибет!

...Тибет-то откуда у него взялся? Вообще тоже непонятно, что к нему в голову откуда попадает.

В общем, я правда какую-то такую деятельность развёл. Сам удивился. Даже сковородку помыл! Вообще, я не хотел, конечно. На сковородку мы не договаривались. Просто я задумался о стратегии: мне пришло в голову, как можно использовать принцип нечётности в шариках этих. Ну, и смотрю: на автомате уже мою сковородку. Не бросать же теперь?

...Потом сидел до часу ночи с рефератом своим дурацким.

— Игнат, может, завтра доделаешь?

— Не-е, я завтра вообще ничего не соображу. Я сейчас!

— Ты бы сказал, что тебе так много, — говорит мама, — я бы тебя не заставляла уборку делать...

— Так я сказал!.. А мне ещё газету рисовать...

— Какую газету?..

— По английшу.

— Давай я тебе нарисую... Что тебе нужно?

...Круто она рисует всё-таки. Я бы так не смог. Утром встал — готовая лежит. Хоть в печать такую. Настоящая... Не поверят мне, что это я. Так что сразу скажу: мама помогала. Если спросят, конечно.

— До пяти утра сидела, между прочим!

— Ну ты и перфекционист... Вообще.

— Я не перфекционист, Игнат. Совсем нет. Я художник просто. Знаешь, иногда рисовать так хочется! Энергия, наверно, хочет выхода. Творческая. Рвётся, как пар из чайника...

Новенький

— Это Костя Зайцев, он будет учиться в нашем классе, — говорит Марго.

Я фыркаю. Довольно громко. Зайцев дёргается. Не понимает причину моего веселья. Ну, все-то понимают, начинают хихикать. Этого Зайцева надо спасать, а то его сейчас с Тонькой посадят, и она его съест. Она умеет.

— Садись со мной, — говорю я, — у меня свободно. Смешно будет.

— Почему смешно? — осторожно спрашивает Зайцев.